КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

В. Э. ВАЦУРО

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ДОМ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Думы К. Ф. Рылеева принадлежат к центральным и наиболее изученным явлениям в гражданской поэзии 1820-х годов. Их всестороннее текстологическое и историко-литературное исследование ведется более столетия. Вместе с тем и в изучении дум, как и в любой научной области, остаются вопросы спорные и нерешенные или решенные не до конца и преждевременно снятые с повестки дня.

Цель настоящих заметок — привлечь внимание к некоторым из таких вопросов; они касаются текста и историко-литературной интерпретации отдельных дум и в дальнейшем, как нам кажется, могут послужить отправной точкой для более углубленного анализа.

- Вадим Эразмович Вацуро
  - К изучению «Дум» К. Ф. Рылеева[1]
    -
    - 1. Закончена ли дума «Владимир Святый»?
    - 2. Неизвестный автограф думы «Видение императрицы Анны»
    - 3. К истории текста думы «Ольга при могиле Игоря»
    - 4. Из источников думы «Димитрий Донской»
    - 5. Источник «Ивана Сусанина»
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20

Вадим Эразмович Вацуро

К изучению «Дум» К. Ф. Рылеева [1]

Думы К. Ф. Рылеева принадлежат к центральным и наиболее изученным явлениям в гражданской поэзии 1820-х годов. Их всестороннее текстологическое и историко-литературное исследование ведется более столетия. Уже в фундаментальном труде В. И. Маслова «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева» (Киев, 1912) содержался богатый материал для их комментирования и интерпретации; издания Рылеева, монографические работы и статьи о нем, появившиеся в советское время, подняли изучение дум на качественно новую ступень[2]. Можно считать, что в настоящее время ни в эдиционном, ни в историко-литературном отношении думы Рылеева не представляют сколько-нибудь неясной проблемы, — и, может быть, этим обстоятельством следует объяснить определенный спад исследовательского интереса к ним за последние десятилетия: мы можем назвать за это время лишь единичные работы, специально им посвященные; последней по времени является их академическое издание, осуществленное в серии «Литературные памятники», с полным сводом вариантов и вступительной статьей Л. Г. Фризмана[3]. Вместе с тем и в изучении дум, как и в любой научной области, остаются вопросы спорные и нерешенные или решенные не до конца и преждевременно снятые с повестки дня. Цель настоящих заметок — привлечь внимание к некоторым из таких вопросов; они касаются текста и историко-литературной интерпретации отдельных дум и в дальнейшем, как нам кажется, могут послужить отправной точкой для более углубленного анализа.

1. Закончена ли дума «Владимир Святый»?

Вопрос этот кажется вначале несколько неожиданным, и в науке о Рылееве он не возникал. Дума всегда рассматривалась как завершенный текст, не попавший в прижизненное издание 1825 года предположительно по цензурным причинам. Она сохранилась в единственном автографе — беловом, на который нанесена правка, превратившая его в черновик (рукописный отдел Ленинградского отделения Института истории). Мы знаем, однако, что ее не было в числе дум, запрещенных цензурой к включению в сборник 1825 года; никаких положительных сведений о том, что она вообще подавалась в цензуру, у нас нет. Более того, самое предположение о бесцензурности ее содержания (Владимир изображен в ней язычником и братоубийцей), внешне правдоподобное, вызывает сомнения по существу: именно так Владимир предстает не только в «Истории государства Российского», печатавшейся с «высочайшего разрешения», но и в одновременно появившейся «Русской истории» С. Н. Глинки, проходившей общую цензуру. У Глинки муки совести Владимира после убийства Ярополка превращаются в прямой лейтмотив повествования, приобретающий даже характер аллюзии: «Обагрясь кровию брата своего Ярополка и невольно смущаясь страхом, Владимир, помраченный тьмою невежества, возмечтал, что умилостивлением мнимых своих богов заглушит голос совести, карающий и сильного венценосца!»[4]

Все эти доводы заставляют нас предполагать, что цензура не была причиной того, что дума «Владимир Святый» не появилась в печати. Анализ самого содержания думы и сопоставление ее с источником убеждают в том, что мы имеем дело с незаконченным текстом. История Владимира доведена до эпизода появления «святого» перед преступным князем и до рассказа о страшном суде, побудившего его принять крещение. Далее следует сцена похода Владимира на Корсунь и заключительная сентенция:

Так в князе огнь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел…

Эти строки прямо опираются на Карамзина: «Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в

рассуждении греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* веру христианскую и принять ее святыню рукой победителя»[5]. По рассказу Карамзина, эта попытка была лишь первым этапом на пути к крещению: завоевав Корсунь, Владимир не «завоевал» веру, и лишь приезд царевны Анны, внезапная слепота и последующее исцеление повлекли за собою его «прозрение». Карамзин ссылается на богословов, толкующих «прозрение» в мистико-символическом духе; он приводит и мнение Татищева, согласно которому слепота была послана князю в наказание за сомнение и ослушание[6]. Именно здесь заключалась моралистическая идея посрамления гордыни земного владыки — и есть некоторые основания полагать, что дума писалась отчасти и на эту тему. Во всяком случае, она никак не могла заканчиваться эпизодом похода на Корсунь: такая концовка разрушала бы целостность легенды и вся дума лишалась бы прямого смысла.

Впрочем, уже одно внимательное чтение последнего четверостишия дает возможность уловить в нем ту осуждающую авторскую интонацию, которая совершенно не согласуется ни с названием думы, ни с другими ее местами (описание райского блаженства, ожидающего Владимира-христианина, строки «Крести ж, крести меня, о дивный! В восторге пламенном воскликнул мудрый князь» и т. д.). Можно думать, что Рылеев оставил работу над этой думой, оборвав ее посередине. Чем была вызвана эта остановка — сказать трудно; может быть, причины коренились в самой исходной легенде, которая не давала возможности ни для прямой героизации Владимира, ни для безусловного его осуждения. Она могла быть разработана, скорее всего, в религиозно-моралистическом плане, причем самому Владимиру принадлежала пассивная роль. Его характер терял ту четкость и определенность контуров, которые были необходимы для дидактического рассказа; становилась затруднительной мотивировка перехода от преступника-братоубийцы к святому христианского пантеона. Так это или нет — об этом мы можем только строить предположения; несомненно, однако, что, рассматривая «Владимира Святого» как целостный текст, мы наталкиваемся на непреодолимые затруднения: начатые поэтические темы оказываются оборванными, сюжет — незавершенным, характер героя — неясным, авторские оценки — немотивированными. Между тем как раз эти особенности чрезвычайно характерны для восходящих частей сюжета, построенного на принципе контрастных противопоставлений — который лежит, между прочим, и в основе легенды о крещении

Владимира.

2. Неизвестный автограф думы «Видение императрицы Анны»

Это произведение — одна из интереснейших дум Рылеева — было до последнего времени известно в двух автографах: черновом, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, с заглавием «Голова Волынского», затем измененным на «Видение императрицы Анны», и беловом автографе Пушкинского дома, озаглавленном «Голова Волынского». В последнее время Л. Г. Фризману удалось обнаружить третий автограф, беловой, с названием «Видение Анны Иоанновны», хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). По этому автографу, проанализированному Л. Г. Фризманом в специальной статье[7], дума была напечатана им и в издании 1975 года[8]. Таким образом, возник вопрос об источнике текста этой думы. Напомним, что при жизни Рылеева она не была напечатана; «одобренная» в Вольном обществе любителей российской словесности 16 октября 1822 года, она, по-видимому, тогда же встретила противодействие цензуры; вторично Рылеев пытался ее включить в сборник 1825 года, но она снова не была пропущена — вместе с думой «Царевич Алексей Петрович в Рождествене».

Основные отличия автографа ЦГАДА от традиционного источника текста — автографа Пушкинского дома — отсутствие первой строфы и разночтения в стихах 8 («Торжествовали смерть героя» вместо «казнь героя»), 32–33 («И в шуме пиршеств и в глуши» вместо «в тиши») и 67–68, 70–72 последней строфы. Он находится на одном листе с думой «Петр Великий в Острогожске» (стихи 1–28), представленной в Вольное общество любителей российской словесности 16 мая 1823 года. По предположению Л. Г. Фризмана, именно по этому автографу Рылеев имел в виду публиковать думу в сборнике 1825 года, — и потому лист был приобщен к цензурному экземпляру дум, вместе с которым хранится и по сие время.

Л. Г. Фризман исследовал три этапа работы Рылеева над текстом, отразившиеся в трех имеющихся автографах. Исследование это, закрепленное в статье и в текстологической сводке в издании, имеет серьезное текстологическое и историко-литературное значение. Однако в настоящее время мы уже имеем возможность дополнить общую картину и даже внести в нее некоторые коррективы. Дело в том, что исследователям Рылеева остался неизвестен еще один, четвертый, и также беловой,

автограф «Видения императрицы Анны», хранящийся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР)[9]. Автограф этот почти не дает новых строк; за небольшими разночтениями он совпадает с беловым автографом Пушкинского дома (далее: ПД). Озаглавлен он «Видение императрицы Анны», при этом последние два слова зачеркнуты. К заглавию сделано примечание: «Содержание из народного преданья». Разночтения — в стихах 37 («незапно» вместо «внезапно»), 50 («пылает» вместо «сияет»), в стихе 60, который подвергся правке:

а) «Равны там раб и Царь надменный»,

б) «Равны там Царь и раб презренный» (как в ПД),

в) как а),

и в стихе 80 («Идет домой с тревожной думой» вместо «Спешит домой с тяжелой думой»). В стихах 51–52, окончательный вариант которых совпадает с ПД, первоначально было:

Из шеи каплет кровь порой
И пол чертога обагряет.

Все эти разночтения имеются уже в черновом автографе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее: ЛБ). Таким образом, подобно автографу ЦГАДА, наш автограф является более поздним, чем ЛБ. По-видимому, он предшествует ПД: в разночтениях он еще связан с отвергнутыми потом вариантами ЛБ. Между тем на нем стоит весьма симптоматичная помета (не рылеевской рукой): «Для Соревнователя». Это, несомненно, та редакция, которую Рылеев передал для печати после чтения думы в Обществе в октябре 1822 года.

Здесь нам следует обратить внимание на характер исправлений. Изменено заглавие — причем чисто механически и с явным ухудшением (простым зачеркиванием имени Анны Иоанновны; осталось «Видение»); подверглась правке строка «Равны там раб и Царь надменный» (правка эта ни к каким результатам не привела). Можно предположить с некоторыми основаниями, что в обоих случаях исправления носили вынужденный — автоцензурный — характер. Возможно даже, что изменение заглавия было предложено не Рылеевым. Нужно думать, что возвращение к первоначальным вариантам заглавия и анализируемых строк, которое мы находим в автографе ПД, является попыткой Рылеева (попыткой, как мы знаем, неудачной) хотя бы частично нейтрализовать ожидаемые цензурные претензии. Тогда это — еще один довод в пользу позднего

происхождения автографа ПД.

В самом характере разночтений автографа ПД по отношению к ЦГА-ДА обнаруживается некоторая последовательность. Они направлены на смысловое уточнение текста: «Торжествовали казнь героя» (вместо «смерть» в строке 8); «И в шуме пиршеств, и в тиши Меня раскаянье терзает» (вместо «в глуши» — строки 41–42 в автографе ЦГАДА). Эта последняя формула имеет свою судьбу: она варьируется по меньшей мере в трех думах Рылеева, где речь идет о мучимом раскаянием носителе власти:

И в хижине и во дворце
Меня глас внутренний тревожит…

(«Курбский», 1821)

Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

(«Борис Годунов», 1821 или 1822)

Эти примеры показывают, что вначале сложилась формула с оппозицией «хижина — дворец» («чертоги — глушь») и была механически перенесена в иной контекст («шум пиршеств — глушь»), а затем уточнена («шум — тишь»). Наконец, в последней строфе Рылеев явно пытался соблюсти согласование глагольных времен:

Гром музыки звучал еще,
Весельем оживлялись лица;
Все ждали Анну, но вотще,
Не возвращается царица…

(вместо: «Все ждут царицу, но вотще, Не возвращается царица»).

Эти разночтения автографа ПД по отношению к ЦГАДА, кажется, также говорят в пользу текста ПД как последней по времени редакции. Во всяком случае, вопрос о соотношении редакции ЦГАДА и ПД с появлением автографа ЦГАОР возникает вновь, и его решение должно быть осуществлено с привлечением всей совокупности палеографических данных. Творческая история думы «Видение Анны Иоанновны» (или «Голова Волынского») выдвигается, таким образом, как особая исследовательская

проблема.

Любопытно примечание к этой думе в новонайденном автографе: «Содержание из народного предания». Указания такого рода нередко бывали фиктивны и играли роль цензурного заслона. Однако здесь оно, как можно думать, соответствует действительности. Устные предания о бироновщине были, по-видимому, распространены. Еще В. И. Маслов указывал на рассказ, приведенный в записках И. И. Дмитриева, где речь шла о том, что императрица Анна перед смертью видела своего двойника, всходящего на трон. Дмитриев свидетельствовал, что предание это было широко известно и передавалось из уст в уста[10]. Известна была и другая легенда — о призрачном шествии из Адмиралтейства в Зимний дворец накануне смерти Анны; о нем рассказывал Н. И. Гречу астроном Шретер, якобы сам его видевший; его рассказ Греч включил в свой роман «Черная женщина»[11]. Ни та, ни другая легенда не имеют отношения к думе Рылеева, где основным сюжетным мотивом является именно призрак Волынского. Между тем о предании такого рода сведения есть; они содержатся, например, в книге Н. И. Тургенева «Россия и русские»: «Говорят, что как Елизавета после казни d'Essex, так и императрица Анна после ужасной казни Волынского не знала более покоя. Измученный и окровавленный призрак ее прежнего министра преследовал ее беспрестанно. Даже на смертном одре ей казалось, что она видит его, и в момент смерти на лице ее был изображен страшный ужас»[12]. Здесь мы, несомненно, имеем дело с поздним отзвуком устной традиции, которая дала жизнь и рылеевской думе. Вероятно, она может быть восстановлена — в первую очередь по мемуарным источникам, так как в печати она задерживалась цензурой[13]. С другой стороны, в думе Рылеева она, конечно, подверглась обработке и, вероятно, была контаминирована с какими-то иными мотивами. Изучение сюжетного генезиса этой думы — специальная задача, которая, видимо, еще привлечет внимание исследователей.

3. К истории текста думы «Ольга при могиле Игоря»

Текст этой думы при современном состоянии материала не может быть обоснован бесспорно, — однако печатать ее, на наш взгляд, при всех обстоятельствах следует несколько иначе, чем это делается обычно. В цензурном экземпляре «Дум» (ЦГАДА) и первопечатном тексте она состояла из одиннадцати строф. Монолог Ольги, повествующей Святославу об истории гибели его отца Игоря, заканчивался в ней поучением:

Отец будь подданым своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим,
И жить в веках достоин!

В 1954 году в «Литературном наследстве» А. Г. Цейтлин опубликовал беловой автограф строфы, пропущенной в первых публикациях, — вероятнее всего, по цензурным соображениям. Цитированные строки также имели весьма симптоматичные разночтения:

Вот, Святослав! к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.

Но вдвое князь — во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором.

Отец будь подданным, о сын,
И вместе князь и воин;
Будь над страстями властелин
И жить в веках достоин!

По предположению публикатора, разночтения последнего четверостишия с печатным объясняются стилистической правкой в неудачном первом стихе. Кем бы ни была осуществлена эта правка (самим Рылеевым или редактором первой, журнальной

публикации думы), Рылеев санкционировал ее в издании 1825 года и в цензурной рукописи. А. Г. Цейтлин предложил поэтому ввести пропущенную строфу в основной текст, а последнее четверостишие печатать по прижизненным публикациям[14].

Такое решение было принято и всеми последующими редакторами Рылеева, между тем оно представляется спорным. Прежде всего, разночтения в последнем четверостишии не только стилистические: в печатной редакции — иная центральная мысль. Идея осуждения страстей на престоле здесь отсутствует совершенно: акцент ложится на идею гражданских добродетелей, противопоставляемых не только военному хищничеству, но и военной славе («боле князь, чем воин»). Эта мысль владеет Рылеевым и позднее: к 1823 году относятся «Видение» и «Гражданское мужество», где она развита в обширном поэтическом рассуждении. В думу «Ольга при могиле Игоря» она могла быть привнесена только самим Рылеевым. Все это показывает, что перед нами — две редакции думы, разнящиеся не только по тексту, но и по смысловой основе. Но этого мало. Есть основания думать, что автограф, опубликованный А. Г. Цейтлиным, дает не ранний, подвергшийся правке текст, а позднейшее дополнение к нему. Сейчас нам известно, что 12 января 1825 года Рылеев посылал Вяземскому «несколько поправок для „Дум“», которые просил «отослать в цензуру или к Селива-новскому» вместе с тремя дополнительными думами[15]. Естественно предположить, что перед нами — одна из таких «поправок», отвергнутая цензурой вместе с двумя присланными тогда же думами; в противном случае нам трудно будет объяснить появление двенадцати строк отдельно от всей думы. Если это предположение правильно, тогда, введя эту «поправку», мы получаем окончательный текст. Как бы то ни было, нельзя интерполировать пропущенную строфу, ничего не меняя в последней: необходимо либо остановиться на тексте прижизненной публикации, либо (что с нашей точки зрения справедливее) печатать по автографу все двенадцать стихов.

4. Из источников думы «Димитрий Донской»

Традиционно считается, что источниками этой думы являются изложение летописных данных в «Истории» Карамзина и напечатанная в 1812 году в «Русском вестнике» «Речь Димитрия Донского к войску перед сражением на Куликовом поле» И. Ламанского[16]. Оба они были названы еще В. И. Масловым[17]. Первый из них не вызывает сомнений: некоторые строфы думы написаны как прямая парафраза изложения Карамзина. Второе же произведение довольно далеко от рылеевской думы — и, вероятно, о его воздействии следует говорить с большей осторожностью. Во всяком случае, мы можем назвать более вероятные источники, и один из них — трагедия В. А. Озерова «Димитрий Донской» (1806), пользовавшаяся совершенно исключительной популярностью в период патриотического подъема, связанного с наполеоновскими войнами, да и позднее. Роль этой трагедии для жанрового формирования дум уже была отмечена в литературе[18], но она, как нам представляется, имела для Рылеева еще и другое значение: на протяжении десятилетий она служила своеобразным резервуаром, откуда черпались фразеологизмы и афористические формулы героико-патриотического содержания — с самыми разнообразными целями и функциями (напомним, например, что печально известная трагедия Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» была обязана своим названием монологу вестника (Боярина) во втором явлении пятого действия «Димитрия Донского»). Триумф Озерова-драматурга совпал с пребыванием Рылеева в Первом кадетском корпусе, и до него, несомненно, доходило устное предание об авторе «Донского», окончившем то же учебное заведение, а затем служившем адъютантом начальника корпуса графа Ангальта — личности, почти легендарной среди кадетов. Ф. Булгарин, также окончивший Первый кадетский корпус, вспоминал об «исступленном энтузиазме», который вызвала первая постановка трагедии и содержавшиеся в ней аллюзии: «Все сильные стихи, имевшие отношение к тогдашнему положению России, были выучены наизусть почти всеми грамотными людьми…» «Я помню, — продолжал он, — что однажды весь партер единогласно повторил последний стих: *„Языки ведайте: велик российский бог!“* — и вслед за этим раздалось общее громогласное *ура!*»[19]

Есть все основания поэтому считать, что формулы «Силен

русский бог» и далее в концовке: «Велик нас ополчивший в брань! … Он, он один прославил нас!» — имеют непосредственным источником заключительные слова трагедии (ср. в том же последнем монологе у Озерова: «Прославь, и утверди, и возвеличь Россию!»). Равным образом к ней восходят и иные ключевые формулы, сами по себе не индивидуально озеровские, но нашедшие себе место в его монологах: «И сокрушен гордыни рог» (ср.: «Поможет нам сотреть гордыни вашей рог» — действие I, явл. 3); «И окрест их татар громада В своей потопшая крови» («И на земле вкруг них татарских груда тел» — действие V, явл. 5); «Расторгнул русский рабства цепи И стал на вражеских костях» («И русский в поле стал, хваля и славя бога» — действие V, явл. 2). Число примеров можно было бы легко умножить. При разнице метрических характеристик (александрийский шестистопный и четырехстопный ямб) парафразы не могут быть более близкими; впрочем, конечно, Рылеев и не перелагал монологи, а, как и многие его современники, держал в памяти словесные формулы трагедии.

Но как раз «Димитрий Донской» показывает, что в разных эпизодах Рылеев мог ориентироваться на разножанровые образцы. Картина битвы у него близка к аналогичным сценам «Руслана и Людмилы»; если это и не прямое заимствование, то ориентация на самый тип описания. Ср.:

Повсюду хлещет кровь ручьями,
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

У Пушкина:

Равнина кровью залилась…
Там русский пал, там печенег;
Там клики битвы, там побег…
Тот легкой поражен стрелою;
Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конем…
Везде главы слетают с плеч…

Трагедия Озерова и пушкинская поэма, по-видимому, должны учитываться в числе наиболее вероятных источников этой думы.

5. Источник «Ивана Сусанина»

В той же XVIII части «Русского вестника» за 1812 год, где напечатана «Речь Димитрия Донского…», находится рассказ об Иване Сусанине, послуживший, по-видимому, непосредственным источником этой думы. Он не попал в поле зрения комментаторов, так как был включен в более обширное целое — «Опыт о народном нравоучении», принадлежавший, несомненно, самому издателю — С. Н. Глинке. «Опыт» был предварен изображением Сусанина, с девизом: «Умрем все за веру и царя-государя. Слова крест.<янина> Сусанина. Опыт о нар.<одном> нрав.<оучении>. Ст.<атья> 7» (ср. у Рылеева парафразу этих «слов»: «Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»). Эта статья седьмая и была занята «нравственным и историческим повествованием» о подвиге Сусанина[20], гораздо более подробным, нежели в позднейшей «Истории» Глинки, где был дан лишь сокращенный ее пересказ (с текстуальными заимствованиями). Отсюда Рылеев взял почти все эпизоды думы: как и в рассказе Глинки, Сусанин приводит поляков на ночлег в деревню, где угощает вином, сам же проводит ночь в бодрствовании и молитве. Очень точно воспроизведена следующая сцена: сын Сусанина, посланный матерью, находит отца и умоляет вернуться. «Сам бог меня сюда привел!» — говорит он у Глинки. Эти слова вложены Рылеевым в уста Сусанина: «Приводит сам бог тебя к этому дому». Последующий разговор Сусанина с сыном, поручение предупредить царя о необходимости бежать, патриотическая речь Сусанина — аналогичны в «повествовании» и в думе. Сходными оказываются и частные детали (ср. у Глинки: «Вьюга вовсе укротилась»; у Рылеева — «Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга»). Все это не оставляет сомнений в том, что Рылеев переработал именно данный рассказ Глинки, который под его пером претерпел существенные изменения как в идейном, так и в стилистическом отношении. Дальнейшее исследование должно прояснить характер соотношения думы и ее источника; оно неизбежно затронет вопросы творческой истории и даст дополнительный материал для изучения жанровой природы дум.

* * *

На этом мы хотели бы закончить наши заметки о некоторых частных вопросах, возникающих в связи с изучением и изданием рылеевских дум. Не претендуя ни на бесспорность суждений, ни

на окончательность выводов, они могут оказаться небесполезными при дальнейших переизданиях рылеевских текстов, — и в этом случае задача их будет выполнена.

notes

Примечания

1

Печатается по изданию: Русская литература. 1975. № 4. С. 101–107.

2

См.: *Рылеев К. Ф.* 1) Полное собрание стихотворений. Вступит. статья В. Гофмана. Л., 1934 (Библиотека поэта); 2) Полное собрание сочинений. Ред., вступит. статья и прим. А. Г. Цейтлина. «Academia», М.; Л., 1934; Из неизданного литературного наследия К. Ф. Рылеева. «Литературное наследство», т. 59, 1954, стр. 3–342; *Рылеев К. Ф.* 1) Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. Вступит. статья В. Г. Базанова. Гослитиздат, М., 1956; 2) Полное собрание стихотворений. Вступит. статья В. Г. Базанова и А. В. Архиповой. Подгот. текста А. В. Архиповой, В. Г. Базанова, А. Е. Ходорова. Прим. А. В. Архиповой и А. Е. Ходорова. «Советский писатель», Л., 1971 (Библиотека поэта, большая серия); *Пигарев К. В.* Жизнь Рылеева. М., 1947; *Цейтлин А. Г.* Творчество Рылеева. М., 1955; *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961.

3

Рылеев К. Ф. Думы. Издание подгот. Л. Г. Фризман. Изд. «Наука», М., 1975.

4

Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою, часть первая. Изд. 3-е. М., 1818, стр. 138.

5

Карамзин Н. М. История государства Российского, т. I. Изд. 2-е, испр. СПб., 1818, стр. 213.

Там же, стр. 176.

Фризман Л. Г. Дума Рылеева «Видение Анны Иоанновны» // «Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1975, т. 34, № 2, стр. 161–165.

8

Рылеев К. Ф. Думы, стр. 108–110, 158–161, 244–245.

9

ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, № 1351.

10

Дмитриев И. И. Сочинения, т. II, Спб., 1895, стр. 9, 153–154

11

Греч Н. Сочинения, часть первая. Черная женщина. СПб., 1838, стр. 60–62.

12

Тургенев Н. Россия и русские. Первое русское издание, ч. II. «Библиотека декабристов», 1907, стр. 195.

13

В 1832 году цензурой был запрещен и целый роман из эпохи Анны Иоанновны — «Эшафот, или Утро вечера мудренее» В. Н. Олина. См.: Поэты 1820–1830-х годов, т. I. «Советский писатель», Л., 1972, стр. 118 (Библиотека поэта, большая серия); ср.: *Станько А. И.* Русские газеты первой половины XIX века. Ростов-на-Дону, 1969, стр. 57.

«Литературное наследство», т. 59, 1954, стр. 19–20.

15

Там же, стр. 144.

16

«Русский вестник», 1812, № 6, стр. 119–126.

17

Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Дополнения и поправки. Киев, 1916, стр. 34.

Ходоров А. Е. «Думы» К. Ф. Рылеева и трагедия XVIII — начала XIX столетия // «Русская литература», 1972, № 2, стр. 122.

19

Воспоминания Фаддея Булгарина, ч. II. СПб., 1846, стр. 285, 303–304.

20

Глинка С. Н. Опыт о народном нравоучении, часть первая, статья седьмая. Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и избавитель царя Михаила Федоровича Романова. Нравственное и историческое повествование // «Русский вестник», 1812, № 5, стр. 72–94.